

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 42

1967

Михаил ЛЬВОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ОБЕЛИСК

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 42

Михаил ЛЬВОВ

ОБЕЛИСК

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1967

Михаил ЛЬВОВ

Михаил Давлетович Львов родился в 1917 году в татарском селе Насибаш, Верхне-Кизгинского района, Башкирской АССР. Окончил в Златоусте семилетку, в Миассе — педагогический техникум, в Москве — Литературный институт имени А. М. Горького. Работал в редакции заводской газеты «Наш трактор» (Челябинск), затем преподавал в вечерней комсомольской школе завода имени С. Орджоникидзе.

Первая книга, «Время», выпущена челябинским издательством в 1940 году.

В годы Великой Отечественной войны работал на стройках Урала, участвовал в боях в составе Уральского гвардейского добровольческого танкового корпуса. Награжден орденом Отечественной войны II степени и орденом «Знак почета».

М. Львов — автор книг «Время», «Урал воюет», «Дорога», «Мои товарищи», «Мирный человек», «Живу в двадцатом веке», «Капля океана», «Эти годы», «У нас в России», «Волжская радуга», «Избранная лирика» и других.

Стихотворения М. Львова переводились на языки народов СССР и на иностранные языки.

* * *

Сквозь вешность,
Сквозь снежность,
Сквозь бури во мгле
Железность и нежность
Звенели во мне.
Пришел я в безбрежность,
И с первого дня
Железность и нежность
Врывались в меня.
Меняется внешность
И жизни самой,
Железность и нежность
Бессменно — со мной.

1965

* * *

Н. С. Тихонову

Я ввергнут в жизнь, в волненья, в страсти,
В огонь, и в воду, и в цветы,
В твой, двадцатый век, ненастья,
В твои заботы и труды,
В клубок твоих противоречий,
В слепящий солнечный клубок,
В твои парады, встречи, речи,
В твой страшный атомный рывок,
В ночную пляску тьмы и света,
И все ж подвластен нам твой бег:
Земля — корабль, а не комета
Я твой матрос, двадцатый век.

1956

ПРОЩАНИЕ

Уже за дымом паровоза
Не видно белых рук твоих,
Мне горе выдавило слезы,
Мне горе высушило их.

Стеклянный мраморный вокзал
Уже вдали за холмом скрылся.
А я не все тебе сказал,
А я не так с тобой простился.

Не так. Не так. Я был не тот.
Не так я губ твоих коснулся.
И я б назад еще вернулся,
Но поезд движется вперед.

1939

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Б. В. Соловьеву

В садах дворца, в стекле, на камне
Свой след оставили года.
Из стен, из мрамора веками
По капле падает вода.
Ковры расшитые Ирана,
А над ковром — крыло орла
И кость слоновья. Здесь у хана
Жена когда-то умерла.
Охвачен болью и тоскою,
Здесь хан Омару приказал:
«Придумай что-нибудь такое,
Чтоб камень плакал и страдал».
Художник не жалеет рук:
Не сделаешь — посадят на кол.
И видит хан, что камень вдруг
Слезами редкими заплакал.
На синем мраморе слезами
Прожгло две борозды легко.
Омар был мастером — и в мрамор
Засело горе глубоко.

И умер хан, проплакав год,
И успокоился в могиле.
А боль художника живет,—
С ней время справиться не в силе.

1939

ДОРОГА НА ЮГЕ

У самых волн мы пировали,
Мы югом руки обожгли,
И на холодном перевале
Мы к небу близко подошли,
Где вровень с солнцем, с небом рядом
Белело здание и кругом
Крошились камни колоннады...
Травой заполнило пролом,
Как мрамор, облако проплыло,
Стояли боги на пути —
И так, казалось, можно было
До Древней Греции дойти.

1940

ВРЕМЯ

Мы бронзой покрываемся в походе.
Над нами солнце всходит каждый день,
И каждый день на западе заходит —
И мир цветной повторно ввергнут в тень.
Еще штыками обернутся песни.
Еще придут и отшумят бои.
Придет домой седеющий ровесник.
Придут не все ровесники мои...
Оставшимся — счастливо оставаться!
Но с этим миром в утреннем дыму
Договорились мы не расставаться —
И мы вернемся бронзою к нему.
У вас сады. У вас цветенье лета.
И юноши по мрамору идут
Сквозь волны круглосуточного света,

И холодно быть памятником тут...
Когда ты выйдешь с лекций на закате,
О наших размышляя временах,
Навек ушедших в толщи хрестоматий,
О наших запыленных именах,—
Почувствуй нас взволнованней, чем лектор:
Ведь и от вас мы отвели беду,
Товарищ мой, бредущий по проспекту
В трехтысячном немыслимом году.

1940—1944

СТЕПЬ

Березок тоненькая цепь
Вдали растаяла и стерлась.
Подкатывает к горлу степь —
Попробуй убери от горла.

Летит машина в море, в хлеб.
Боец раскрыл в кабине дверцу,
И подступает к сердцу степь —
Попробуй оторви от сердца.

1941

У ВХОДА В СКАЛАТ

А. Б. Лозовскому

Полковник, помните Скалат,
Где «тигр» с обугленной кожей
И танк уральский, в пепле тоже,
Лоб в лоб уткнулись и стоят?
Полковник, помните, по трактам
Тогда и нас водил сквозь смерть
Такой же танковый характер —
Или прорваться, иль сгореть.

1944

ВЫСОТА

М. Г. Фомичеву

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.
И высота была взята.
И знают уцелевшие солдаты:
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

1944

*

*

*

Опять отъезд на фронт, и снова
Я рву бумаги и дела
И снова в роскоши пуховой
Метель над городом бела.
Опять в окно гляди устало
И слушай вечную гармонию.
Опять горящие вокзалы,
И снова снег летит в огонь.
Еще не выписан нам отдых.
Бессмертным именем любви
Благослови меня на подвиг,
На мужество благослови.

1944

*

*

*

Был холод декабрьский, и я возле танка
На польском асфальте плясал «сербиянку»,
Чтоб только согреться на звонком ветру,
Пронзительном, злом, и, увидев славянку,
Бойцу подносившую в рюмке сливянку,

Тебя вспоминал на далеком юру.
И думал с тоскою: «Теперь хорошо бы,
Как после работы и после учебы,
К тебе возвратиться домой на Каштак».
И мой экипаж согласился: еще бы!
Давно бы зазноба спасла от озноба,
И рюмку она поднесла бы не так.
И мой экипаж согласился: конечно,
И танки не вечны, и войны не вечны,
И мы возвратимся когда-то домой,
Родных и друзей расцелуем, обнимем,
И сядем за стол, и чокнемся с ними,
Но путь наш домой лежит через бой.
Со мной ничего не посмеет случиться,
Я должен любить еще, жить и учиться,
Об этом я знал и за крайней чертой,
Когда ничего уже не оставалось:
Ни сил, ни патронов — лишь только усталость,
Когда я держался на хватке одной.
Я с детства учился так в жизни держаться,
Так впутаться в жизнь, так с нею связаться,
Так крепко ее привязать у седла,
Чтоб жизнь от меня не могла отвязаться,
Чтоб жизнь от меня не могла отказаться,
Чтоб жизнь без меня обойтись не могла.
Да, верю я в жизнь, и не ставь мне в вину ты
Ни это пристрастие, ни эти минуты.
Мальчишкою тоже меня не зови.
Ведь молодость хочет быть абсолютной —
И жизнь принимать от салюта к салюту,
И хочется верить тебе и любви.
Опять протяни мне далекие руки
Сквозь версты разлуки, сквозь горькие муки,
Подругою верной, порукою будь.
Затянута жизнь пулеметною лентой,
Как зимы снегами, как ливнями лето.
Благослови.

Мы выходим в путь.
Далеко-далеко от скал Таганая,
Военную славу свою догоняя,
Уралец-танкист на битву спешит.
Покинув землянку, выходит он к танку,
А вьюга рисует на окнах землянки
Булатный рисунок его души.
Над нами полочет военное знамя,

Опять пулеметными очередями
В бою измеряется жизни длина.
И утро в сиянии артиллерийском
Встает над Малькове, над Вельке-Лазиском,
Над Польшею. Доброе утро, война!

1944

ПИСЬМО

Возможно, будет мрачная погода,
Тебе покажется, что мало строк,
Что я тебя забуду за полгода,
Раз полстраницы написать не смог...
Не доверяй погоде и досаде
И хоть открытку в ящик оброни.
Торопимся к берлинской автостраде
И письма пишем, не сходя с брони.

1945

*

*

*

Будет время — покажут
Вам о фронте кино,
А пока же, пока же
Это нам все равно.

Сколько мертвых воскреснет
На экране тогда!
О погибший ровесник,
Оживай без труда.
Удивленно и странно
Из ночей фронтовых
Мы посмотрим — с экрана,
С полотна — на живых.
Будто пули не взяли
Нас, под корень рубя,
И, печальную, в зале
Я увижу тебя.

Нам уже не обняться:
Мы из разных миров,
Нам уже не прорваться
Сквозь незримый покров,
Для тебя, как виденье,
На экране в огне
Я мелькну на мгновенье,
Как в вагонном окне,
И со мной побратимы,
Все — в закат. На закат.
Это необратимо,
Нет дороги назад.
Опечалась красиво,
Боль сожмешь у виска.
И на этом спасибо.
И прощай! На века!

1962

ВЕНСКИЙ ЛЕС

А. Шапкину

Повороты резкие,
Тихих троп изломы.
Мимо леса Венского
Пролетаем с громом.
Под жарюю летнею
Машет головою
Дерево столетнее
За сплошной листвою.
А радист колышется
На броне, как дома,—
Голос не послышится ль,
Издавна знакомый?
Но с нездешним отчеством
Наша Карла Доннер —
Может, пулеметчица,
Может, дома — донор..
И, гремя железами,
Дальше по указке
Едем мимо леса мы,
Мимо «Венской сказки».

1945

А. Соколову

Повержены трибуны и глашатаи.
Повалены железные столбы.
Германию, как в поезде, пошатывает.
И о железо стучаются лбы.

Наполнив парки танками, как мамонтами,
В последний раз стреляем мы сюда.
От памятников не родятся памятники.
Империя не встанет никогда.

Берлин. 1945

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

П. Чувизову

Отбоя нет от толп народных
Верст семьдесят подряд,
Как будто здесь не марш походный,
А вышли на парад.
А нам нельзя и раскричаться:
У нас в зубах песок.
А нам нельзя и целоваться:
Песок к губам присох.
Мы отвечали, как умели,
Восторгам шумных сел.
Но только танки там шумели —
Водитель молча вел.
Еще мы павших не забыли,
И больно нам кричать.
Пусть нас простят. Мы победили.
Нам можно помолчать.

1945

*
* *

Как будто я за веком следом ездил.
Его дыханье трогало меня,
И спал, и стыл я на его железе,
И обжигался у его огня.
Я с ним узнал и тишину и грозы.
Мне от него ни душу, ни глаза,
Как руку от железа в час мороза,
Без крови оторвать уже нельзя.

1957

*
* *

Я был убит приснившимся осколком.
Моя невеста плакала вдали.
Она еще не выплакалась толком—
Уже за ней охотники пришли.

Нет, я тебя, о жизнь, не обвиняю
За то, что ты недолго помнишь нас.
Такой, как есть, тебя я принимаю
На год, на день, на молодость, на час.

Меня любила девушка, наверно
Меня любила девушка. Она
Была, наверно, мне до смерти верной.
А после смерти верность не нужна.

Прости меня, далекая, живая,
Что я тебя при жизни ревновал,
Опасности везде подозревая,
Ступить тебе и шагу не давал.

Но в шесть утра горнисты Измаила,
Как ангелы, трубящие в раю,
Солдата вновь подняли из могилы,
И я опять ревную и люблю.

1960

СНИМКИ

В отцовском доме за стеклом, как в дымке,
Висят мои мальчишеские снимки.
Смотрю: от года к году все суровой
Лицо, улыбка, сдвинутые брови,—
Как будто я, старея на ходу,
Сквозь галерею мальчиков иду.

1946

КИНОХРОНИКА

Парады, площади и страны.
Страстей и скоростей разбег.
И наплывает на экраны
Сфотографированный век.

А в зале — тишина, как милость,
И кажется тебе порой:
Эпоха только притаилась
И что рывок — не за горой.

1947

*
* *
*

Я вижу старость своего отца,
Как будто вижу собственную старость.
Пусть на лице морщины без конца,
Но тот же лоб и те ж глаза остались.
А я еще считаюсь молодым,
И сердце очень юношески бьется.
Но мне придется тоже стать седым,
А может быть, и даже не придется.
Отец, отец, я в том не виноват,
Что я из поколения такого,
Которому стареть не разрешат,
Чей возраст будет снова атакован.

1946

ЖЕНЫ ПОГИБШИХ

Я их на улице встречаю
В год два раза, а то и раз —
Среди забот своих, случайно,
Куда-нибудь по делу мчась.

Мгновенно схватишь перемены
И увядания черты,
А я их помню довоенных,
Роскошных, майских, как цветы,
С друзьями под руку своими
У институтского жилья.
Навек остались молодыми,
Двадцатилетними мужья.
А им — тоска о них навечно.
И даже дети не у всех.
Другая молодость беспечно
Проносит мимо шум и смех...
Пойдешь замедленной походкой
И горько думаешь про то,
Что им мужей, тебе — погодков
Не возвратит уже никто.

1957

*
* *

Д. Шостаковичу

Мы столько в землю положили,
Мы столько стойких пережили,
Мы столько видели всего —
Уже не страшно ничего...

И если все-таки про войны
Я думать не могу спокойно
И если против войн борюсь,—
Не потому, что войн боюсь.
А если даже и боюсь,—
Не за себя боюсь — за тех,
Кто нам теперь дороже всех,
Кого пока что век наш нежил

И кто пока еще и не жил,
Кто ни слезы не уронил,
Кто никого не хоронил.

1956

*
* *
*

Мне нелегко. Но легче мне не надо.
Пусть будет тяжелее нам вдвойне,
Кто не забыл о вьюге Сталинграда
И о друзьях, убитых на войне.
И за себя отныне жить нам надо
И за погибших сверстников своих.
А легкость жизни, легкость слов и взглядов
Была бы оскорблением для них.

1947

*
* *
*

Известно всем, что плата есть за страх.
Но плата есть страшнее — за бесстрашие.
Ведь не за страх сжигали на кострах.
Ведь не за страх в сраженьях гибли наши.
Не всем бесстрашно жизнь прожить дано.
Иные страхом все в себе сковали,
Решив, что так спокойнее оно,
И никогда ничем не рисковали.

Хоть нет на этом свете никого,
Кто страха бы не ведал вплоть до старости,
Есть люди, одолевшие его,
Над слабостью поднявшиеся в ярости,
Отряхивая с плеч своих, как прах,
Страх.
Они видны народам далеко.
Страх ползает внизу, невысоко.

1956

*
* *

Суета разносит по частям
Человека, индивидуальность...
Не части. Не часто — по гостям.
Не теряй из виду цель и дальность.

И не страшно, если и кому
Будешь необщительным казаться.
Надо же с собой и самому,
Надо ж для раздумий закрываться.

А потом — распахивайся вновь,
И тогда, пожалуйста, входите,
Люди, лодки, Лиля и любовь,
Грозные события и открытия.

1960

СЕБЕ

Пусть были беды, и страдания,
И невезенья полосу,
Пусть пропадали попадания
И пропадали чудеса,
Но были звездные стояния
Удач в работе и бою.
Я вижу их сквозь расстояния,
По ним сужу я жизнь свою.

1958

*
* *

Я хочу, чтоб инсультов не ведал мой мозг
И бессменно стоял на посту бы,
Между жизнью и смертью стоял бы, как мост,
А настанет пора, чтоб не таял, как воск,—
Как ракета, сгорел на лету бы.

1959

В ГОСПИТАЛЕ

Памяти Всеволода Аксенова

На миг в недавнее заглянем:
...Челябинск. Госпиталь. Концерт.
Как будто слушал со вниманьем
В халатах зал и с пониманьем,—
Аплодисментов нет в конце...

Ты этим смутно был встревожен,
Но раненый поднялся вдруг:
— Простите, хлопать мы не можем:
У нас нет рук.

Мгновенье это походило
На замешательство в строю;
Искусство слов не находило
И молча, медленно склонило
Пред жизнью голову свою.

1957

*
* *
*

Порой приходит по утрам
Такая вдруг неуязвимость,
Такая вдруг непобедимость
Порой приходит утром к нам,

Ведь утро — это юность дня,
И — словно в юности — сегодня
Я с новой силой к жизни поднят,
И юность в сердце у меня.

А вечер — старость. И, устав,
Ты уязвимее под вечер,
Уже не тот — сутулишь плечи,
Верст двести за день пробежав.
Не вечер утра мудреней,
А утро, говорится все же,—
Оно сильнее и моложе,
Еще на солнце нет теней.

Мне по утрам не тридцать семь,
Мне по утрам намного меньше,
Еще ни жизни и ни женщин,
Еще я юноша совсем:
Все раны сердца заросли,
И снова руки окрылились,
И снова зеленью покрылись
Холмы могильные земли.

Порой приходит по утрам
Такая вдруг неуязвимость,
Такая вдруг непобедимость...
Пишу я утром песни вам!

1954—1956

В КАЗАНИ

Народ, мне давший жизнь и душу,
Свою нестынущую кровь,
Не замерзавшую и в стужу.
Твой сын к тебе вернулся вновь
И после долгих лет разлуки
В порыве счастья и любви
Целует ласковые руки
Тысячелетние твои.

1957

*
* *
*

С. Хакиму

Сколько нас, нерусских, у России —
И татарских и других кровей,
Имена носящих непростые,
Но простых российских сыновей!

Пусть нас и не жалуют иные,
Но вовек — ни завтра, ни сейчас —
Отделить нельзя нас от России:
Родина немислима без нас!

Сколько нас, нерусских, у России —
Истинных российских сыновей,
Любящих глаза небесной сини
У великой матери своей!

1957

СОЛОВЬИ САЛАВАТА

Жил я в детстве когда-то
На земле Салавата —
Соловьиного края
В переливах курая,
За Лаклами, у Ая ¹,
Там, где реки сливались,
Где луга заливались,
Где всюду заливались
Соловьи Салавата.

Там заря занималась
Нашей жизни когда-то.
Там я жил маловато —
Только детства кусочек,
Только школы чуточек —
Только детские годы.

Там Уральские горы.
Там такое есть место —
Соловьиное Горло.
Соловьям там аж тесно!
В Горле — детские горны.
Соловьиною песней
Перехватывай горло!

Там давно, в Насибаше,
Люди добрые наши
Двух сирот нас увидели,
Без родных, без родителей,
Накормили досыта
И меня и Рашита.

Это мной не забыто.

¹ Ай — река в Башкирии.

О крестьянские мамы,
От болезней и бедствий
Ваши древние средства
Нас спасли.

Как я мало
Спел вам песен за детство,
Благодарного слова
Не сказал вам покамест.
Я приеду к вам снова,
Поклонюсь и покаюсь.

Я еще не на пенсии,
Это мне рановато.
Поучусь у вас песне,
Соловьи Салавата.

1960

ВАШИ ГЛАЗА

Мои родные азиаты,
Не развяжу тот узел сам:
То ль это дым костров когда-то
Глаза большие сузил вам,
Иль, вытянув в порыве руки,
Собравшись с духом, как гроза,
Когда вы целились из лука,
Навек прищурили глаза...

1958

*
* *

Валерию Дементьеву

Опять за неполные сутки —
Из Владивостока в Москву.
Мешаются сутки в рассудке.
Со скоростью звука живу.
Детали в пути пропадают —
Земля, как макет, собралась.

Моторы к земле припадают —
И снова земля разрослась!
Опять появились тропинки,
Мосты, и кусты, и листы.
Опять закачались травинки,
Опять я увидел цветы,
Плакаты на зданье вокзала,
Купальщиц загар на пруду —
Все то, что на скорости малой
Заметишь, на тихом ходу.

Такая на свете погода.
И надо за краткие годы
Так много объять и понять —
Мне скорость бы пешего хода
Со скоростью звука спаять!

1957

*
* *

В таежном утреннем тумане,
В дорожном громе быстроты,
В стекле окна, как на экране,
Мелькнуло чудо красоты,
Без всякого предупреждения —
Успело только ослепить,
И не сумел я то мгновенье
Ни удержать, ни закрепить.
Мелькнули очи голубые —
И растворились вновь вдали
В великой красоте России,
В цветенье неба и земли.

1957

НА СТАНЦИИ СЕРГАЧ

Поезд стал. Остановка — Сергач.
На перроне, как облако, стужа.
На перроне — пронзительный плач.
Это женщина встретила мужа.

Повторяет: — Сергей! Мой Сергей!
(Может, здесь, в Сергаче, все — Сергей?)
...Наблюдаю невольно за ней,
А она все рыдает сильнее.
Отчего же так плачет она,
Молодая чужая супруга?
Иль из плена вернула война
Через многие годы супруга?
Или что-нибудь в духе ином?
Иль сама она к мужу вернулась?
Я стоял, опьянен не вином,
И слеза на глаза навернулась.
Не развод, не тюрьма, не война:
Едет с курсов домой, оказалось...
И соскучилась очень она,
Всей душой по нему стосковалась...
И скрывать ей не надо того,
Что безмерно, беспамятно любит,
Вот и плачет, и гладит его,
На глазах у народа голубит.

1960

*
* *

Запрокинутые головы любимых.
Древние и вечные слова.
Трепет милых рук незаменимых.
Миллионы раз любовь права.
Пламенеть столетья не устала,
Каждый раз по-новому нова,
Юными, несмелыми устами
Обновляет древние слова.
Все опять сначала, все весенне —
И душа и дым твоих волос.
О, какое счастье и везенье,
Что на свет родиться довелось,
Слышать жизни праздничные трубы,
Небо над собою поднимать,
Целовать отзывчивые губы,
И лебяжью шею обнимать!

1960

Я НЕ СПЛЮ

Мне любимая отвечает:
— Я не сплю — я тебя люблю.
Это мыслям моим отвечает:
Я и сам от любви не сплю.

Мне любимая отвечает:
— Я не сплю — я тебя люблю.
Это нас от других отличает,
Это я на двоих делю.

Нас рассвет обнимает лучами.
От восторга жизни в хмелю,
Мне любимая отвечает:
— Я не сплю — я тебя люблю.

Я ни дня, дни свои доживая,
Равнодушию не уступлю,
Жизнь единственная, живая,
Я не сплю — я тебя люблю.

Не с оглядкою, не украдкою,
Не на цыпочках по хрусталою —
Бесконечной жизнью и краткою
Я иду — я ее люблю.

Не песчинка в потоке вечности,
А душа ее, я не сплю.
В жизнь влюбленный до бесконечности,
Я не сплю. Эту жизнь люблю!

1960

*

*

*

Замены в любви не бывает.
В любви заместителей нет.
Замена в любви убивает
Верней, чем любой пистолет.

Сказавшему это поверьте:
Он это узнал не из книг —
Из собственной жизни и смерти
Он истину эту постиг.

1957

*
* *

В. Бокову

Я старею, а жизнь не стареет.
И вот это, как ток, меня бьет.
Эта разница ранит и греет,
Это вольтовы дуги дает.

То цветенье, то голые ветки,
То огонь, то мороз на душе,
То я новый, «с иголки», то ветхий
На прощальном своем рубеже.

Жизнь! Мои не дописаны строки —
Ты обязана помнить о том.
Растяни мне немислимо сроки,
Надо мной продолжайся потом.

1967

*
* *

Я не люблю усталых рассуждений
О бренности земного бытия.
Нет, нет, друзья, мы не пройдем, как тени
(И вы и с вами, может быть, и я).

Земной любви обязана рождением,
По жизни гордо шествуй, жизнь моя!
Над нами спутник мчится подтверждением
Небренности земного бытия.

Я соглашусь, лишь все свершив земное,
Свой факел человеческий и власть
Тем передать, кто в жизнь придет за мною,
И в вечности, как в млечности, пропасть.

1959

*
* *

Не прошли они мимо меня,
Эти жесткие дни и дела,
Замораживая, леденя
И закручивая удила.

Если грубым бываю порой,—
Это облик не истинный мой,
Это — давнее время во мне
Проступает, как соль на спине.

1965

*
* *

Владимиру Солоухину

Почему мне приснился комбриг мой опять
И бригада уральцев в строю?
И мне не пятьдесят, даже не двадцать пять,
Я еще, точно ангел, стою...

Вижу легкую юность далеких людей
(Это их... Это днем... Это тут).
Почему же все снится мне юность друзей,
Что с войны никогда не придут?

Почему это снятся в мои пятьдесят
Еще двадцатилетние сны?
Четверть века назад возвратился солдат,
Только сны не вернулись с войны.

...Спишь, а рядом еще ни детей, ни жены,
И тела наши скручены в жгут.
Наши сны сожжены, как костры, зажжены,
Как костры, что не греют, а жгут.

Мой младенческий сон навсегда унесен
(Был он ясен и легок, как пух,
И спалось мне с цветами, с землей в унисон,
Был, как птица, беспечен мой дух).

Как в покой себя, в травы и в облачко «вспать»,
В голубое плечо тишины?
Почему мои сны отправляются вспять
В невозвратные дебри войны?
Почему это сны не вернулись с войны?
Как пропавшие без вести, пали вы, сны,
Не вернулись с войны...

1967

*

* *

Мичману Н. Горлову

Я стоял на торпедном наклонно,
Как в атаке, себя забывал.
Рвался катер вперед разъяренно
И залив за собой завивал.
И наклонно летели торпеды,
И стояли друзья на корме,
И прекрасное чувство победы
Возвращалось, как юность, ко мне.

1965

МАГНИТКА

Н. С. П

Было: годы подряд
Били в небо зенитки.
Каждый третий снаряд —
Из металла Магнитки.
И стальная пурга
Сколько с неба свергала
Самолетов врага!
Над Берлином сверкала!
В те далекие дни
Мы в боях, как титаны,
Накрошили брони!
Наломали металла!

Содрогался удав —
Не поможет молитва.
Каждый третий удар
Наносила Магнитка.
За разрядом — разряд,
За зениткой — зенитка!
Каждый третий снаряд
Подавала Магнитка.
И, врага сокруша,
Возвратились мы, правы.
Торжествует душа
От победы, от славы.
Город — кузница гроз!
Хоть мне все тут знакомо —
Здесь когда-то я рос,
Жил у домны, как дома,—
Я опять удивлюсь
Этим башням огромным
И тебе поклонюсь,
Поклонюсь твоим домнам...
Эти домны святы!
Говорю, понимая:
— Приносить бы цветы
Им Девятого мая!

1962

В ПСКОВЕ

Б. Скобелъцу

...Он нас вел к Великой¹, к Устью —
Это за город, за Псков,—
Завораживая Русью
Всех веков.

И такая речь псковская!
Очень русская такая,
Очень вкусная такая!
Не пластмассовый набор —
Родниковый разговор!

¹ Великая, Многа, Черёха — реки на Псковщине.

— Церковь Покрова
От пролома.
— Дётинец. Река Псковá!
— Башня «Куте Крома».
...Что такое «четверик»,
Знал один из четверых.
Разве слышишь каждый день:
«Закомары» и «черлень»?
...Мурники — не шкурники —
Строили все это
(Строили недурненько!)
Из камней и света!
...Зáвеличье, Зápсковье ¹,
Многи и Черёхи
Повели нас запросто
В давние эпохи...

Новым шумом, старой грустью
И сохранностью веков —
Завораживает Русью
Древнерусский город Псков.

1967

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Это страшно. Ты в землю ушла навсегда.
Ни дожди, ни рассветы тебя не касаются больше.
Далеко от столицы село Насибаш.
Далеко до могилы твоей. Сознать это больно.
Навсегда, навсегда, на века, на века
Безвозвратно в планету уходят любимые люди...
Снова ночь на глаза мои тьму навела,
И закрыла весь мир, и опять одиночество будит.
И ничем я тебе не сумею помочь,
Если даже в планету уйду за тобой добровольно.
Только тьма под землей. Только ночь. Только ночь.
Только вечная ночь! Сознать это жутко и больно.

¹ Завеличье, Запсковье — районы Пскова.

Буду думать, что ты возвратилась сюда.
Возвратилась сюда, обитаешь ты где-то в природе.
Смотрит с неба твоими глазами звезда,
И с тобою сравнимые люди проходят в народе.
Буду думать, что ты обитаешь в цветах,
Что дано тебе ветром порой до меня доноситься.
Буду к людям нежней. Ты среди них. Ты не прах.
И ни с чем мне иным невозможно,
нельзя примириться.

1963

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

С. С. Смирнову

Я безвестный. Я безвестен.
Я без имени — известен.
Вечный житель твой, Земля.
Похоронен у Кремля.

...Был мой путь сюда торжествен:
Генералы в форме были.
И лафеты плавно плыли.
Милицейские застыли
Там, где шествие застигли.
И меня землей России
Государственно везли,
Как при жизни не возили,
Как при жизни не могли.

Чтобы пухом мне земля —
Вкруг меня, вблизи Кремля
Все столицы и края,
Вся геройская земля:
Сталинградская земля,
Ленинградская земля,
Подмосковная земля,
Украинская земля,
Брестской крепости земля —
Для меня все, для меня.

Как я рвусь к вам из огня!
Кто-то здесь среди вас — мой брат.
Кто-то здесь — мой друг-солдат.
Кто-то мать. И кто-то сын,
Может, с сыном — не один...
Кто-то здесь — мой близкий друг.
Кто-то здесь — мой чистый внук.
Вы мои. Я здесь — за вас.

Не прошу с цветами ваз.
Братья, матери и внуки!
Как протянутые руки,
Как локаторные уши,
Подержите ваши души
Возле вечного огня,
Возле вечного меня.

1967

СОДЕРЖАНИЕ

«Сквозь вешность, сквозь снежность...»	3
«Я ввергнут в жизнь, в волненья, в страсти...» . . .	3
Прощание	4
Бахчисарайский фонтан	4
Дорога на юге	5
Время	5
Степь	6
У входа в Скалат	6
Высота	7
«Опять отъезд на фронт...»	7
«Был холод декабрьский...»	7
Письмо	9
«Будет время...»	9
Венский лес	10
«Повержены трибуны и глашатаи...»	11
Первый день	11
«Как будто я за веком следом ездил...»	12
«Я был убит...»	12
Снимки	13
Кинохроника	13
«Я вижу старость своего отца...»	13
Жены погибших	14
«Мы столько в землю положили...»	14
«Мне нелегко...»	15
«Известно всем...»	15
«Суeta разносит по частям...»	16
Себе	16
«Я хочу, чтоб инсульт не ведал мой мозг...» . . .	16
В госпитале	17
«Порой приходит по утрам...»	17
В Казани	18
«Сколько нас, нерусских, у России...»	18
Соловьи Салавата	19
Ваши глаза	20

«Опять за неполные сутки...»	20
«В таежном утреннем тумане...»	21
На станции Сергач	21
«Запрокинутые головы любимых...»	22
Я не сплю	23
«Замены в любви не бывает...»	23
«Я старею, а жизнь не стареет...»	24
«Я не люблю усталых рассуждений...»	24
«Не прошли они мимо меня...»	25
«Почему мне приснился комбриг...»	25
«Я стоял на торпедном наклонно...»	26
Магнитка	26
В Пскове	27
Памяти матери	28
Неизвестный Солдат	29

Михаил Давлетович Львов

ОБЕЛИСК

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 00503. Подписано к печати 28/XI 1967 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
 Объем 1,40 условн. печ. лист. 1,35 учетно-изд. л. Тираж 108 700.
 Изд. № 2326. Заказ № 2908. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ по **ДРАМАТУРГИИ**

ГОЛЛЫ И. Гело Себехлебский. Комедия в 5 действиях. Перевод со словацкого. «Искусство». 1959. 94 стр. Цена 22 коп.

ГУСЕЙН М. Джаваншир. Драма в 5 действиях, 13 картинах. Перевод с азербайджанского. «Искусство». 1959. 84 стр. Цена 16 коп.

ДЕВЯТОВ Д. Пьесы. «Советский писатель». 1958. 240 стр. Новая цена 10 коп.

ДЭЛЬ Д. Александр Пушкин. Трилогия. «Искусство». 1959. 226 стр. Новая цена 10 коп.

ЗОРИН Д. Вечный источник. Народная драма о В. И. Ленине в 4 актах. «Искусство». 1957. 71 стр. Цена 21 коп.

КИВИ А. Сапожники. Нумми. Комедия в 5 действиях. Перевод с финского. «Искусство». 1957. 153 стр. Цена 28 коп.

Киргизская советская драматургия. Сборник. «Искусство». 1959. 396 стр. Новая цена 25 коп.

КОРОСТЫЛЕВ В. Две тещи, или... Все, как в водевиле. Пьеса в 3 действиях. (Репертуар художественной самодеятельности, № 8). «Искусство». 1958. 127 стр. Цена 32 коп.

КОЧЕРГА И. Исторические драмы. Перевод с украинского. «Советский писатель». 1951. 272 стр. Новая цена 20 коп.

ЛЕССИНГ Г. Э. Эмилия Галотти. Трагедия в 5 действиях. Перевод с немецкого. «Искусство». 1953. 79 стр. Цена 19 коп.

ЛУКОВСКИЙ И. Медаль в комод. (Репертуар художественной самодеятельности. Одноактные пьесы). «Искусство». 1960. 23 стр. Цена 6 коп.

Приобретайте эти издания в местных книжных магазинах.

В случае отсутствия нужной Вам книги можете заказать ее по адресу: **Москва, К-9, ул. Кирова, 6, магазин № 120. Отдел «Книга — почтой».**

Книга будет выслана наложенным платежом.

СОЮЗКНИГА.